

ИВАН КАРАСЁВ

ТАКАЯ РАЗНАЯ ФРАНЦИЯ



16+

Иван Карасёв

Такая разная Франция

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48488930

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-04240-7

Аннотация

Очерк «Такая разная Франция» представляет собой изложение личных впечатлений и воспоминаний автора о его десятилетней жизни сначала в Париже, и во французской глубинке в последующем. Одновременно это взгляд на эволюцию французского общества, попытка создать картину интересов простых французов, их привычек и предпочтений. Параллельно автор прослеживает влияние на настроения людей идей современного мэйнстрима, как в обычных житейских ситуациях, так и в политической жизни, коллизии интересов различных социальных слоёв, что выливается в последнее время в настоящие уличные баталии.

Иван Карасёв

Такая разная Франция

ТАКАЯ РАЗНАЯ ФРАНЦИЯ

Ах, милый Ваня, я гуляю по Парижу
И всё, что вижу, и всё, что слышу,
Пишу в блокнотик впечатлениям вдогонку,
Когда состарюсь, издам книжонку.

В.С. Высоцкий, из общеизвестного



Париж, вид с Эйфелевой башни на Трокадеро и на парижское Сити (La Défence)

Первый культурный шок

В первый и, наверное, в последний раз я летел в бизнес-классе. Вот парадокс, тогда я сэкономил на всём, но занимал уютное и широкое кресло в головной части самолёта, а все многочисленные последующие перелёты, только облизывался, глядя на счастливых из первого салона, и засовывал длинные свои коленки в сжатое пространство между двух обычных, предназначенных для простых смертных, ря-

дов. Ведь и деньги-то есть уже, и даже сотрудникам своим пару раз давал добро на такую роскошь, поддаваясь на уговоры – длинный, утомительный рейс, а потом работать надо. Правда, после прилёта первым пунктом в списке мероприятий усталого менеджера стояли традиционные «экскурсии» по американским аутлетам – мечте российского шоппингиста из уже почившей в Бозе эпохи до Рождества Алиэкспресса. Другим разрешал покупать, а вот на себя любимого было жалко. Тем более, что летишь обычно не один, с коллегами или с семьёй, и стоимость бизнес-класса надо в таком случае, умножать на количество персон. Так что дешевле запастись выпивкой и потягивать её пока не отрубись тяжёлым, во все не богатырским, сном. К счастью для моего здоровья, эпоха длинных трансатлантических или трансасиатских перелётов в моей жизни, похоже, закончилась.

В тот раз это была халява. Летел со своей первой женой, она, как носитель языка с соответствующим образованием, работала приглашённым ассистентом преподавателя французского по обмену между Францией и СССР, и «Эр-франс», субсидируемый национальным правительством, раз в год бесплатно возил таких специалистов домой и обратно. Вместе с семьёй. А она тогда состояла только из нас двоих. Это уж потом появились два умных и симпатичных мальчика, а ещё позже распалась по моей вине, или не вине, а по тоске. Хотя за 4 года совместных с Франсуазой мытарств в рассыпающемся Союзе пустых полок и 10 лет последующей

жизни в передовой европейской стране, казалось, прикипели друг к другу, но, видимо, так только казалось.

Французское государство не сэкономило на своих слугах, в самолёте всё по высшему уровню – стюарт не успевал раздавать вино и шампанское, разлитое по маленьким 250-ти граммовым бутылочкам. Расчётливые французы их рассовывали по сумкам, а я, вырвавшийся из плена горбачёвского сухого закона, ничтоже сумняшася, заливал всё внутрь. Правда, перед промежуточной посадкой в Хельсинки нас попросили спиртное спрятать, у финнов, якобы, закон не позволял употреблять на борту. Не знаю так или не так было у горячих парней соседней страны, но на нашем рейсе все аккуратно припрятали пузырьки, пока финская обслуга пылесосила пол. Полицейский, однако, не ходил и не пытался, как наш гаишник, засунуть нос в вашу машину. Кстати, сверху приаэродромные районы Хельсинки принципиально мало чем отличались от наших – та же редкая, чередующаяся с невырубленными кусочками соснового леса, застройка из 4-5 этажных домов, очень похожих на какие-нибудь улучшенные «брежневки». Вот парижские предместья даже с самолёта уже выглядели совсем по-другому – целые города из индивидуальных домиков с участками, все тесно друг к другу прилепленные (хоть мало земельки, но зато своя!), лишь кое-где разбавленные неизбежными многоэтажными коробками. Другой мир, стоило посмотреть в иллюминатор, и это было понятно. И покрытие взлётно-посадочной полосы

в Хельсинки мне показалось тогда каким-то промежуточным по качеству – средним между нашим, трясущим самолёт, и идеально ровным французским.

Так, благополучно залив в себя в общей сложности полтора литра вина и шампанского, я ступил на твердое покрытие аэропорта Шарль де Голль. Не скажу, что оно у меня качалось под ногами, но таможеню я не заметил, хотя, как мне сообщили потом более трезвые пассажиры, сотрудники оной стояли почти рядом с проходящим из самолетов народом, пытаясь выцепить из толпы всякую подозрительную публику. Но я, видимо, как человек, с молоком матери впитавший в себя выражение «граница на замке», этот символический контроль, обычный теперь и в наших аэропортах, никак не мог принять за строгую таможеню, которая должна давать «добро». Она и стала моим первым культурным шоком во Франции, потом были другие, более яркие, более впечатляющие, но этот, зато, был первым, а потому самым запоминающимся. Теперь, в наши дни, проходя в Пулково мимо скользящих у своего «телевизора» людей в зелёной форме, я почти каждый раз вспоминаю тот летний день 88-го года, когда в перерывах между приёмами жидкости из мини-бутылочек, я проглатывал вопреки совету профессора Преображенского содержимое свежей советской газеты. Издание живописало будущее торжество социалистической демократии, обещавшей нам как бы свободные выборы – об этом вещал Горбачёв с трибуны перестроечной 19-й партконференции.

Погружённый в другую реальность, я сильно изумился, не встретив человека с ожидаемым вопросом: «Откройте Ваш чемоданчик!» Нынче и в наших аэропортах таможня не задаёт мне этот вопрос. Свободных выборов, однако, тоже не случилось в 1989 году, да и были ли они позднее, и вообще где-нибудь и когда-нибудь, разве что избрание вождя у неиспорченных прессой первобытных племён?

Кстати, таможня у нас всегда отличалась дотошностью. Александр Дюма-отец, приплывший в Россию через Кронштадт, потратил немало времени, чтобы получить свой очень заинтересовавший наших таможенников багаж. Вероятно, в те времена легче было брать мзду с особ, путешествующих частным образом. Наверное, когда Депардье приехал за ключами от своих многочисленных квартир, его багаж был выдан вне очереди. Честный, улыбающийся сотрудник таможни, скорее всего, симпатичная молодая особа женского пола в очень короткой юбке, с завидным набором толстых звёзд на погонах, сделав киношный книксен, показала, что он может проходить без задержки. Но в девятнадцатом веке российские таможенники либо не знали кто такой Дюма, либо не испытывали никакого благоговения к нему. Да ведь он и не за паспортом к нам приезжал, жажда творчества погнала его в суровую Россию.

А тогда, в 1988 году, я ещё и представить не мог истории с квартирами кумира своих юных лет, только смотрел по сторонам, разинув рот. Второй культурный шок не заставил се-

бя ждать. Но обо всём по порядку. В аэропорту нас встречали родители жены на машине. Перестраховавшись на предмет того, что все вещи не влезут в маленький багажник, наполовину заваленный всяким хламом, тёща попросила коллегу по работе приехать ещё на одной машине. Так, на двух авто наш кортеж двинулся в Париж. Допускаю, что тёща пригласила коллегу не без задней мысли, ну ведь не у каждой есть зять из такой экзотической и очень модной в то время страны как Советский Союз эпохи Перестройки. Вообще французы, как правило, очень отзывчивые люди. Встречают на машине своих «безлошадных» гостей у ближайшего метро или станции электрички, дабы те не платили за такси, даже могут отвезти их домой после затянувшихся посиделок, когда общественный транспорт уже не работает – на семейных вечеринках, как правило, не напиваются. Но тот коллега тёщи фактически приехал, мне кажется, чтобы посмотреть на забавную диковинку – русского зятя, убил на это весь вечер, хлебнув по приезду на квартиру принимающей стороны бокал шампанского. Больше я его не видел, видимо, посмотрел на живого русского, убедился, что не медведь, тем и удовлетворился.

Рынок, квартира и семья

Моё знакомство с Францией (если не считать аэропорт) началось на следующее утро с ... рынка. Да с банального продуктового рынка. Он, правда, немного отличается от нашего. Хотя бы тем, что в больших городах рынки не стационарные,

а переезжают с места на место, располагаясь в зависимости от дня недели в разных концах одного района. Французы к этому привыкли, им так удобней, короче маршрут. Правда я не понимал, как может быть удобным отсутствие всего этого разнообразия лавок и лавчонок поблизости от дома в выходные, но, видимо, это опять-таки вопрос привычки, ну съездишь ты в субботу подальше, если так всё устроено. Не развалишься, тем более что мы на, так сказать, ближний рынок всё равно поехали на машине. Честно говоря, я был слегка удивлён подобной программой. Как человек с продвинутым гуманитарным образованием и с воспитанным ещё подростковой литературой особым пиететом к истории и культуре Франции, я, скорее, был готов ринуться куда-нибудь к Лувру или в Латинский квартал. Но впереди были ещё почти два месяца, и я безропотно согласился.



Передвижной рынок

И не пожалел! Чего только не было на лотках этого, по сути, импровизированного торжища! Впрочем, сейчас мало кого удивило бы то изобилие – ну много сыров (но их ещё и ценить надо), ну много разных видов готового, в том числе тут же, в мини-печке, истекающего слезами жира мяса, ну много ещё всякого разного. Но где же пять видов селёдки, где палтус, где черемша и солёные огурцы? Однако тогда глазам человека, привозившего семье колбасу за 300 километ-

ров из города-героя Ленинграда, предстало такое немислимое царство еды, что у меня, только что сытно позавтракавшего всякими холодными мясными закусками и уже отведавшего поутру несколько видов мягкого, расплывающегося из-под корки, сыра, потекли слюнки, захотелось есть. И это был мой второй культурный или, может, совсем не культурный, а банально материальный шок. Мне стало ужасно стыдно и неудобно перед тещей, которую я, как верный Санчо Панса, сопровождал с двумя сумками – как бы она не заметила моих внутренних страданий, ведь я же не из голодной Африки приехал! Здоровый патриотизм мне был не чужд всегда. К счастью, всё обошлось, мы загрузили машину и, довольные, но слегка утомлённые, поехали домой.

Родители жены жили на шестом этаже семиэтажного дома без лифта, недалеко от Монмартра. Одноподъездное здание постройки девятнадцатого века, как и значительная часть жилых домов Парижа. Очень характерное для столицы Франции, почти как пятиэтажка в российском областном центре.

Тестю на тот момент шёл 81-ый год (30 лет разницы с тещей – такой вот получился у них, как мне тогда казалось, французский вариант). Он ходил с палочкой и с трудом покорял свой каждодневный «эверест». К счастью, через пару лет они переехали в деревню, и мучения его кончились. А тогда мне сразу же поручили подъём по лестнице всех закупаемых главой семейства тяжёлых продуктов (он единственный

водил машину) – пакетов молока, приобретаемых впрок, вина и прочих напитков.

Квартиру тёща снимала. Цены на недвижимость в Париже высокие, посему апартаменты простором не отличались. Три комнаты и маленькая кухонька, в ней при наличии одного человека, уже еле помещались проживающие с хозяевами три кота. Имелся ещё микробалкончик с видом на скверик площадью метров 800 квадратных – большая редкость для Парижа. Всё это не удивляло и не грозило новыми культурными шоками. Даже по советским меркам имелась всего одна лишняя для троих взрослых спальня (у нас в таком случае полагалась двухкомнатная квартира, разве что кто-то из членов семьи первоначальных обладателей ключей успел умереть, освободив испорченным жилищным вопросом родственникам вождеденную комнату). Общий метраж квартиры едва превышал площадь хорошей двушки в «брежневке».

То, что поражало, это лестница с деревянными, блестящими от лака ступеньками, покрытыми чистой ковровой дорожкой, которую консьержка, жившая тут же, в маленькой квартирёшке на первом этаже вместе с мужем – отставным полицейским, пылесосила каждое утро. К лестнице прилагались лакированные, из дорогого дерева, перила и панели вдоль стен. После загаженных советских подъездов, которые тогда еще не знали замков-домофонов, весь этот блеск казался каким-то чудом, фантастикой, обернувшейся реальностью. Да нет, не фантастикой, а пламенным комприветом из

старого мира. Мира, который мы знали лишь по фильмам и картинкам из книг. И только размеры лестницы, где с трудом расходились два человека, только ширина пролётов выдавала в ней всего лишь непрременный атрибут парижского доходного дома XIX века. Кстати, во многих петербургских, как у нас говорят, парадных до сих пор остались намертво вбитые в ступеньки колечки, в которые когда-то просовывались удерживавшие ковровые дорожки штыри. Но это всё, что напоминает в питерских подъездах о безвозвратно ушедшем от нас старом мире. В Париже сохранились не только колечки, но и сами ковры.

Другой отрывкой забытого во Франции дикого капитализма столетней давности была слышимость в доме. Её ведь продумали таким образом, чтобы никто не мог скрыть от соседей самых сокровенных жизненных тайн. Не помогал в этом плане и совсем малюсенький дворик, где только и хватало-то места для некоторого инвентаря консержки и мусорного контейнера. Зато через распахнутые в жаркие летние ночи окна в уши жильцов влетала незабываемая музыка встреч и расставаний. Мне, индивидууму с молодым и тогда здоровым сном, это не мешало, чего не скажешь о теще. Когда к соседке по этажу после долгой (или не очень долгой) разлуки приехал любимый, она настолько бурно проявляла свои чувства, что некоторые соседи, поначалу тщетно пытавшиеся заснуть, просто обзавидовались, а иные, особенно те, чьи окна оказались ближе всего, обматерились, переворачи-

ваясь с бока на бок. На следующий день тёща, встретив на лестнице счастливую и довольную после страстных объятий дорогого человека женщину, без капли стеснения, заявила, что обитатели дома не обязаны пассивно участвовать в их постельной жизни.



Улочка на Монмартре

Спустя лет 15 после этого случая, будучи проездом в Париже, пришлось переночевать у знакомой в том же районе города. Пожилая дама, польщённая нашим визитом и

несколько соскучившаяся по живому общению, постаралась принять гостей по высшему разряду. Она угостила великолепным ужином (француженки, если они не подвержены идеям радикального феминизма, как правило, умеют классно готовить) и уступила нам свою маленькую, метров шесть-семь квадратных, спальню. Сама легла в «большой» комнате на диване.Guestы во Франции ублажают, но нам устроили королевский приём на уровне тесной квартирёшки, конечно. Всё было бы прекрасно, только в восьмом часу утра мы, надеявшиеся допоздна понежиться в кровати, были разбужены топотом ног по такой же, как и в бывшем доме тётщи, красивой деревянной лестнице с ковриком. Складывалось впечатление, что трудовой парижский люд направлялся на работу прямо через нашу комнату, и следовало бы ежеминутно, прикрывшись одеялом, вскакивать дабы вежливо приветствовать соседей: «Бонжур, месье, бонжур мадам, ох, пардон, мадемуазель, извините мы без галстуков!». Так что слышимость в бывших доходных домах Парижа девятнадцатого века постройки хорошая!

Пора, однако, сказать пару слов и о тётще. Это была (и есть до сих пор) необыкновенная женщина. Дочь обычных крестьян, получившая классов 6 образования. Она вынуждена была уехать из деревни после того, как её и старшую сестру изнасиловал ещё более старший брат. Такие истории случались, наверное, не только во французских деревнях, но если они приобретали огласку, то девицам лучше было поки-

нуть родные края. Репутация оказывалась напрочь испорчена этой неприглядной историей, несмотря на обстоятельства дела (в которых никто из добрых соседей разбираться бы и не стал).

Не надо удивляться, тёща выросла в Нормандии, где господствовали патриархальные порядки. Там ещё в начале прошлого века для пущей бодрости духа детям подливали домашний кальвадос в утренний кофе. Такие вот были нравы. Ещё давали несколько капель «кальва» (как его именуют в быту) школьникам с едой для обеденного перекуса. А учителя, окончившие институты в больших городах, носители самых прогрессивных на то время, социалистических, взглядов, приходили в ужас от дикости нравов и прилагали бешеные усилия, дабы перевоспитать упрямых селян, но страсть к огненной воде и по сей день сильна в сельской части Нормандии. Даже существует профессия, так сказать, передвижного перегонщика яблочной браги в алкоголь. Он ездит из села в село со своим нехитрым аппаратом и гонит кальвадос для народа из его же сырья. Крепость напитка доходит до 70 градусов.

Но это небольшое отступление, а что касается тёщи, то понятно, что после неприятного инцидента девушка предпочла покинуть родные места. Зато виновник происшествия – брат остался (мужские руки в деревнях всегда ценились больше – кому-то надо было готовиться сменить родителей на ниве тяжелого крестьянского труда).

Вот так пятнадцатилетняя девчонка оказалась в Париже. Сначала устроилась у богатой тётки, потом, расставшись с родственниками, сама начала упорно пробивать себе дорогу в жизнь. Скромными ролями не довольствовалась, пошла на курсы машинисток, которые открывали путь в секретарши, из секретарш пробилась в референты или что-то вроде того, из референтов в топ-менеджеры небольших и средних компаний. И всё это, повторяюсь, с шестью классами сельской школы. На момент нашего знакомства она отвечала за хозяйственную и техническую части в коммерческой фирме, где работало порядка сотни человек, обустроивала компьютерный зал (или серверную, сказали бы сейчас), за что получила даже письменную благодарность от компании-поставщика с громким именем IBM.

Путь её, конечно, не был таким гладким и лёгким, как это могло бы показаться. Он состоял из побед и поражений, тяжких усилий и разочарований. Искренняя вера в правоту левых идей перешла в цинизм. Девушка перестала ходить на выборы после того, как получила от шефа задание – передать пакет с отступными депутату-коммунисту, чтобы освободил дорогу к заветному креслу. Затем была любовь к человеку, старше её на 30 лет, необходимость практически до совершеннолетия тянуть дочь одной – отец моей будущей жены жил в своей первой семье, а во второй появлялся вечером и уходил к ночи. Тесть и тёща стали жить вместе только, когда их совместному ребёнку исполнилось 17 лет (правда, в

отпуск на 2-3 недели тесть ездил официально с «друзьями», то есть со своей второй семьёй).

А сколько матери Франсуазы пришлось натерпеться на работе, особенно когда стала продвигаться по службе. Франция 60-ых и даже начала 70-ых годов была довольно консервативна в женском вопросе. Да что там говорить – избирательное право лучшая половина нации получила только в 1945 году! Аборт разрешили ещё спустя 30 лет. А она шла вперёд и стала, по её словам, первой женщиной в стране, занявшей место заместителя по административно-хозяйственной части в компании среднего размера. Когда добилась своего, то неизменно вызывала уважение окружающих её мужчин, и право выбора вина при обмывании очередной сделки в ресторане принадлежало ей, хотя выбор был всегда чисто символическим, о чём знали почти все – бордо, только бордо. Интересно, что во Франции подобные посиделки оплачиваются предприятием и считаются нормальными производственными расходами, которые бухгалтера, конечно, вычитают из прибыли. Но трудная карьера и непростая семейная жизнь отразились на этой женщине. Относительный успех дался ей нелегко, только она знала какой ценой: со временем появилась привычка глушить каждодневный стресс и проблемы при помощи виски, что отравляло жизнь и ей, и её близким...

Отец моей первой жены был человек добрый, терпимый к недостаткам других. Ему уже пошёл девятый десяток, ко-

гда я с ним познакомился, на завтрак и на ужин он приходил с большим пластиковым ящиком, который доставал перед приёмом пищи. Там хранились все нужные медикаменты, их надо было принимать до, во время и после еды. Сердце уже стало слабеньким, да ещё вдобавок и диабет, но это, однако, не мешало ему раз-другой в день пропустить стаканчик сладенького аперитива и бокал красного вина за ужином.

С тещей они расписаны не были, пришёл к ним жить – и то хорошо. Хотя потом мать Франсуазы жалела, что не настояла на официализации отношений. Дело в том, что все 37 лет их раздельно-совместной жизни она тащила на себе львиную долю и физических, и моральных, и материальных затрат, а в последние годов двадцать даже частично содержала мужа. Ведь она зарабатывала намного больше. Ещё ухаживала за ним, когда требовалось. После его смерти, тем не менее, половину пенсии покойного согласно французскому законодательству получала первая и единственная законная жена (это правило не касается мужчин, а только женщин, пережиток тех времён, когда они были сплошь домохозяйками). Тёще осталась только её собственная пенсия и память о человеке, с которым она связала свою судьбу и прожила до самой его кончины. Он умер в возрасте 93 лет.

Тесть был человек, как я уже сказал, неплохой, но слабохарактерный, что, наверное, и помешало ему довести до логического завершения отношения с двумя женщинами. Он происходил из богатой семьи, в двадцать лет получил в по-

дарок от отца автомобиль (это в конце второго десятилетия прошлого века, когда машина была во французских семьях большой редкостью). В общем, до определенного времени жилось ему легко и хорошо. Потом была война, мобилизация и пять лет плена, из которого он привёз свою первую жену-немку. Жизнь военнопленного француза была совсем не такая, какой мы привыкли представлять себе по нашим фильмам и рассказам дедов. Тесть работал на бауэра, и наверняка полезно работал, поскольку имел сельскохозяйственное образование. Но один раз непреднамеренно устроил акт саботажа, не справившись с лошадьё, повозкой сломал опору – видать, очень хлипкую – деревенской линии электропередач и лишил тем самым электричества важную ячейку аграрного сектора экономики нацистской Германии. За сие коварное действие расстрелян не был, а только обруган хозяином.

Война, однако, разорила семью, усадьбу в Нормандии пришлось продать, от состояния остался лишь большой дом в пригороде Парижа, где зимой всегда было холодно – французы любят экономить на отоплении. Тестю пришлось уже рассчитывать только на свои силы и зарабатывать самому, причём не всегда во Франции, но и во Французской Гвиане с её гнилым климатом. Рождались и росли дети, отношения с первой супругой постепенно переходили в стадию глубокой заморозки, когда в сердце родилась другая любовь...

Но тогда я ещё всего этого не знал, получил всего лишь

первое впечатление о семье жены, о её родителях, впечатление очень поверхностное и полностью затёртое другими, более сильными – я первый раз оказался за границей, и сразу – в Париже. Сколько было прочитано книг, просмотрено фильмов, выслушано рассказов, и тут – сказка наяву – Париж, Франция. Ещё несколько лет назад я совсем иначе представлял себе будущую жизнь – диссертация, работа преподавателем, карьерный рост должен был обязательно сопровождаться квартирным соответствием статусу – от общежития к отдельной квартире в несколько комнат, может, пара загранпоездок в соцстраны. А тут раз, и я в Лувре, два, и я на Елисейских Полях.

Кстати, именно там, на Шанзелизе, меня ждал третий культурный шок – по тротуару ехал паренек на зелёном мотороллере со встроенным в него пылесосом. Он выискивал глазом свежие, дневные, мусоринки (утром ведь уже прошли уборщики) и засасывал их в свой агрегат. В результате, там даже среди дня нельзя было найти на асфальте следов неугомонной жизнедеятельности многолюдной парижской толпы, которая, как и другие людские массы, имеет обыкновение мусорить. Такова натура человека, но убирают за ним грязь далеко не везде, и, чем больше остаётся всякой дряни на улице, тем больше он норовит накидать мимо урны. Вот в наши дни можно легко поскользнуться о помутневшие от солнца и дождей осколки зеленоватого бутылочного стекла на лестнице, ведущей на Монмартр, или наткнуться на

кучи мусорных пакетов, ждущих своего мусоровоза на улице в центре Парижа.

Лет шесть назад шли мы по узенькой улочке Латинского Квартала, не шли, а плыли в кучке таких же, как мы туристов, в основном японо-китайского происхождения. По обеим сторонам ресторанчики, кафе с открытыми террасами, сувенирные магазины и повсюду иностранные гости города. Нарядный открыточный мир. Выйдя к очередному живописному перекрёстку, мы почти упёрлись в баррикаду из чёрных мусорных мешков, вываленных прямо перед ясны очи так рвавшихся посмотреть столицу Франции путешественников со всего мира. Аккуратно упакованные отбросы человеческой деятельности чередовались с картонными коробками, бумажками, прочей дрянью и практически перегорали ещё более сузившуюся улицу, возвышаясь почти до второго этажа. Впечатлительные японки хором охнули – настолько неожиданно выросла эта гора среди милых и симпатичных улочек.

Проницательный читатель, наверное, поправит меня, ну как же, наверное, бастовали коммунальные службы! А вот и нет, ни про какие забастовки мы не слышали, видимо, просто сократили количество дней вывоза мусора. Подобное, например, произошло в маленьком городке, где я жил в девяностые годы. Социалисты, пришедшие к власти, выполнили одно из своих предвыборных обещаний – ввели 35-ти часовую рабочую неделю. В итоге, мусор перестали забирать

по праздничным дням, а его и так вывозили-то только по понедельникам и четвергам (всё же вывозили, в России в частном секторе по отношению к бытовым отходам до сих пор зачастую справедлива знаменитая фразочка о спасении утопающих – деле самих утопающих). Тогда же, в 98-м году, мы стали копить пузатые чёрные мешки целую неделю, если «мусорный» день попадал на праздник. Хорошо, в отличие от обитателей латинского квартала, у нас имелся подвал с толстыми стенами, куда и помещались пластиковые пакеты с бесплатной функцией «ароматизатора» воздуха. Зато в 1988-м году по Елисейским Полям ездили специальные мотороллеры! Хотя, возможно, то был эксперимент, больше я их никогда не видел, но не так часто и бывал там в последующем.



Латинский квартал. Париж, май 2011

Париж и такие разные парижане

Вообще-то Поля, как их называют живущие в Париже наши соотечественники, ничего особенного из себя не представляют. Просто необычно широкая для Парижа улица, изобилующая шикарными магазинами и дорогими ресторанами. В округе немало фешенебельных отелей, в них останавливаются знаменитости. Побывать там хоть раз надо. Великолепна перспектива с Триумфальной Аркой и её современной сестрой – огромным, сияющим на солнце офисным

комплексом в виде буквы «П» – Большой Аркой Ла Дефанс. Причём второе сооружение построено практически параллельно первому – практически, потому что полностью запаараллелить не позволил грунт. Но лично для меня в этом городе есть гораздо более привлекательные места, тот же Латинский квартал, например, только если, конечно, без куч мусора. Хотя, на мой взгляд, особой архитектурной привлекательности в Париже мало. Город застроен незамысловатыми зданиями восемнадцатого, особенно девятнадцатого – начала двадцатого веков, среди которых то тут, то там встречаются «вставные челюсти» из стандартного стекла и бетона 50-80-ых годов двадцатого века. И, если в снесённых промзонах на северо-востоке города, утыканных и вовсе только такими «памятниками архитектуры», претензий к ним нет, то посреди старых домов стеклобетон напоминает нам о том, что Париж тоже город контрастов. Правда, к счастью, в 20-м веке Париж рос за пределами периферийных бульваров, т.е. вне границ города 19-го столетия.

И всё же сравнение с Петербургом по части архитектуры, наверное, будет не в пользу Парижа. Жак Ширак назвал Петербург самым красивым городом мира. Насчёт мира не знаю, но по отношению к Парижу соглашусь. Старая часть Питера выигрывает и по разнообразию стилей, и по количеству богатых дворцов и особняков. Слабая сторона питерской архитектуры – штукатурка, которая всегда норовит отвалиться (хорошо, если не на голову) и оголить кусок зда-

ния. Париж – город камня, его штукатурить не надо, только время от времени чистить от нагара выхлопных газов и прочей грязи, что в Париже, судя по всему, делают. А вот в Берлине, например, в самом центре можно встретить совершенно почерневшие от времени каменные здания, памятники истории и культуры по совместительству. Что ж, немцы, благодаря своей «канцлерин» – щедрая нация, они деньги тратят на мигрантов, чего не скажешь о более прижимистых французах. Эти всё на себя любимых, может, потому и фасады в Париже чище, чем в Берлине. Но проигрывает Питеру Париж ещё и в части строгости законодательства в области застройки исторических кварталов. Во Франции можно купить старинное здание, довести его до аварийного состояния, а потом на вполне законных основаниях снести и воздвигнуть новый офисный/торговый центр или дорогой жилой дом. Похоже, что отсутствует, в нашем понимании, во всяком случае, и понятие зоны исторической архитектурной застройки. Как уже было сказано выше, новые высокие билдинги легко встраивается в старые кварталы, только небоскрёбы ещё не начали строить направо и налево, хотя прецеденты есть.

Наверное, такая страшная трагедия как блокада с её бомбёжками и обстрелами дала бы возможность парижским промоутерам стереть с лица земли половину французской столицы. Тамошние застройщики 40-50-ых годов, думаю, тонули в собственной слюне, рассматривая фотографии уни-

чтоженных войной городов Европы, вот они бы развернулись в старом Париже! Но, к несчастью для них и к счастью для французской столицы, в 1940 году здесь вообще не было стрельбы, Париж объявили открытым городом, а в 1944-м дело ограничилось перестрелками отступавших немцев с поднявшими голову маки и некоторыми полицейскими, повернувшими оружие против гитлеровцев. Вторая французская бронетанковая дивизия, которой американцы позволили повернуть на столицу, лишь дала немецкому гарнизону прекрасный шанс сдаться регулярным войскам, а не макизарамам. Те ведь под горячую руку ещё и шлёпнуть могли.

Дорогие англо-американские союзники также не слишком беспокоили город своими «ковровыми» бомбардировками (промпредприятия уже тогда были в основном за пределами жилой застройки). Так что Париж не смели с лица земли без разделения на кварталы, населённые людьми, и на промзоны с заводами, как поступили освободители Европы со всеми крупными немецкими агломерациями. Отдельным французским городам, впрочем, повезло гораздо меньше, чем Парижу. Кстати, почему обстрел гуманитарной колонны в Сирии, при котором погибает 20 человек, должен считаться военным преступлением при наличии умысла и даже без оного, а преднамеренные бомбежки городов Германии в 1942-1945 годах, принесшие смерть миллионам мирных жителей (как это модно говорить – женщин, детей, стариков – именно в данном порядке), таковым до сих не то

что не считается, даже не обсуждается сама идея? Ещё один вопрос не по теме – а почему жизнь старика в подобном случае по умолчанию ценится выше, чем жизнь девятнадцатилетнего пацана? Только потому, что пацана обрядили в военную форму, которую не доносил тот старик? Но это небольшое отступление в историю и политологию, да простит мне его дорогой читатель.

Ещё тогда Париж поражал огромным количеством иммигрантов из стран Африки и Азии, в основном, конечно, из бывших колоний Франции в Северной и Центральной части «чёрного континента». Я не шугался в сторону при виде пары чернокожих людей, в Ленинграде хватало студентов из Африки, и в нашем общежитии тоже имелось определенное количество. Нельзя сказать, что мы с ними дружили, но никто их не чурался, разговаривали, пели песни, смеялись над шутками. Наверное, одним из самых скромных и интеллигентных парней во всей общаге был нигериец Иса. Он всегда улыбался при встрече, не помню, чтобы хоть раз с кем-то поссорился, и был в числе первых в учёбе.

Но то студенты, а когда, войдя в довольно плотно набитый людьми автобус на бульваре Барбес, мы оказались единственными белыми людьми в нём, я почувствовал себя не в своей тарелке! И таких районов в Париже и особенно под Парижем в 1988 году имелось уже немало! В одной из французских комедий 90-ых годов незадачливый агент государственной спецслужбы попадает в лапы какой-то арабской ма-

фии прямо в Париже. После допроса с пристрастием, дабы запутать следы, беднягу увозят на машине, потом на самолете, затем снова на машине и бросают посреди узенькой улочки посреди явно арабского города. Вокруг обычная восточная толпа, вывески на соответствующем языке. Растерявшийся агент спрашивает у первого попавшегося прохожего, где находится французское консульство. Тот глядит удивленно и отвечает: «Французское консульство? Оно здесь повсюду!» Ничего не соображающий спецгент бредёт дальше и выходит напрямиком на какой-то шумный парижский бульвар... К сожалению, подобные ситуации вполне возможны, это тот случай, когда важнейшее из искусств отражает реальную жизнь.

Мне вспоминается, как жаловались нам пожилые французы – дети русских эмигрантов первой волны, построившие в начале 1960-ых годов дом в северном пригороде Парижа – Ольне-су-Буа. Обосновались они там ещё до нашествия приглашаемых до поры до времени алжирских гастарбайтеров – экономика бурно росла, а рабочих рук на производствах не хватало. Купили участок в тихом пригороде недалеко от станции электрички, а через 25 лет оказались жителями арабо-негритянского города с населением 80 тысяч человек. На платформе электрички с вывеской Aulnay-sous-Bois трудно встретить лицо со светлым цветом кожи. Попробуйте понять. Вот вы жили среди таких, как вы, не бедных и не богатых людей с примерно одинаковым пониманием морали

и норм поведения. Так было, а нынче не боитесь, нет, но вам неприятно выйти за хлебом в булочную, там повсюду на улицах будет кипеть жизнь, но другая жизнь, порой с иными понятиями о добре и зле. И похожих мест под Парижем много.

Понимание того, что массированная иммиграция завела Францию куда-то не туда, было у многих и тридцать лет назад, но политики предпочитали обходить острую тему, отделиваясь общими фразами и создавая красивую иллюзию какой-нибудь деятельности. Некоторые так вообще откровенно взывали к самым примитивным чувствам эгоистической природы человека. Известная нам Марина Влади, сошедшаяся сразу после смерти Высоцкого с врачом и политиком крайне левого толка Леоном Шварценбергом, видимо, под влиянием последнего неоднократно становилась яростной защитницей нелегальных иммигрантов. Самый убойный аргумент для своих сограждан она находила в возрастной структуре французского общества. Мол, приток новых трудоспособных людей из других стран необходим хотя бы для того, чтобы платить пенсии стареющим французам.

Цинично и эгоистично, не правда ли? Цинично и по отношению к этим самым иммигрантам, которых принимают в качестве дойных коров, и по отношению к молодым и будущим поколениям французов, за них ведь таким образом уже решили – с кем им жить, как и в какой стране. Ладно, эти работают на пенсию стареющей Франции, а дальше-то как? Приглашать инопланетян что ли? Да и далеко не все вновь

прибывшие, как известно, мечтают об устройстве на работу, они если и работают, то зачастую «в чёрную». Конечно, мусор убирают в крупных городах иммигранты или их потомки, но кто не видел в том же Париже негров, торгующих на улице дешёвыми сувенирами? Вы думаете, они платят налоги и отчисления в социальные фонды? Пенсионеры получают свои пенсии благодаря их тяжёлому труду? Нет, зато действует параллельная, теневая, экономика. Импорт, опт, розница, в этой схеме всё может быть только в тени.



французский напёрсточник

Мой инструктор по вождению, пожилой человек лет шестидесяти пяти, с грустью наблюдая где-то в районе многоэтажной жилой застройки празднующихся в разгар рабочего дня немолодых арабов, комментировал ситуацию так: «А зачем ему работать? У него три жены (неофициально, конечно) от каждой по три-четыре ребёнка. Он получает кучу пособий – на детей, на матерей-одиночек, на жильё – вот и может чай пить целый день». Конечно, такие варианты случаются не часто, но всё же бывают. Проблем с переселенцами из Африки и Азии уже в те годы было не мало, и они увеличивались. Про нынешние я вообще молчу. Один знакомый хорват, считавший себя, несмотря ни на что, югославом, рассказывал мне (дело было в конце 90-ых годов), как однажды пожаловался ему знакомый полицейский из контролирующего иммигрантов отдела: «Мы прямо–таки с ностальгией вспоминаем 70-ые годы и вас – югославов и португальцев, с вами было так легко работать, не то, что с теперешним контингентом». К концу XX века африканская эмиграция уже хорошо расползлась и по провинциальным городам.

Может, мой пассаж об иммигрантах покажется кому-то ненужным и слишком привязанным к нынешним событиям, но тогда это тоже был для меня культурный шок, только отрицательный. Не знаю, как передать охватившие меня чувства, когда я, человек далёкий от религии, тем более католической, увидел негра, мочившегося средь бела дня в стену

парижской церкви 17-го или 18-го века! В арабской стране его при подобных упражнениях со стеной мечети, наверное, забили бы камнями на месте.



Фото сделано в центре Лиона, году в 2011, называется «Юность Франции»

Первый шок от того, что натворили, французы испытали в 1995 году. Тогда группа террористов-самоучек (интернета у них ещё не было) из выросших во Франции арабских юношей, не принадлежавшая ни к какой группировке, даже к ни-

кому неизвестной тогда «Аль-Каиде», устроила серию терактов. Погибло несколько десятков человек. Силы спецслужб искали террористов повсюду, нашли и уничтожили. Однако последствия тех событий заметны до сих пор – по всем крупным вокзалам и аэропортам ходят вооруженные армейские патрули, иногда даже с собаками. Правда, ни разу не видел, чтобы кого-то остановили или проверяли, а одна собака на огромные залы регистрации аэропорта Шарль де Голль-2, например, это даже не смешно. Это грустно. И с тех пор на французских вокзалах отсутствуют камеры хранения (как будто нельзя просто прислонить чемодан со взрывчаткой к стенке оживлённого прохода). После 1995 года несколько лет в крупных городах Франции не было мусорных урн. Их использовали террористы для закладывания взрывчатки, и чиновники не придумали ничего лучшего, как вовсе упразднить точки сбора уличных отходов. Французам сказали, мол, носите свой мусор себе домой. Некоторые, конечно, носили. Но со временем сознательных становилось всё меньше, поэтому через пару лет реализовали пришедшую кому-то в голову поистине гениальную в данной ситуации идею сделать урны из прочного прозрачного пластика. И в настоящее время во Франции ещё можно любоваться не только великолепными памятниками архитектуры, но и самыми разнообразными продуктами человеческой жизнедеятельности в импровизированных мусоросборниках.

К слову сказать, французские чиновники, так же, как и

наши, умеют принимать «правильные» решения в сложных ситуациях и делать жизнь человека несносной. Когда в марте 2016 года террористы взорвали бомбы в аэропорту и в центре Брюсселя, власти Пятой Республики решили заняться безопасностью воздушных гаваней. Мы как раз возвращались из чудесной поездки по востоку Франции через Руасси (аэропорт Шарль де Голль). Что там творилось! Три часа провели в разных очередях! Усиленные меры безопасности. Казалось, что их придумывают для того, чтобы облегчить террористам осуществление бесчеловечных планов. Несколько раз находились в кучах людей, которые легко взорвать любому смертнику (видимо, всё же у ИГИЛ добровольцев не хватает). Отменили электронную регистрацию, в итоге – почти час в очереди, чтобы зарегистрироваться на рейс, потом ещё полчаса, чтобы войти в зал пограничного контроля. Тут начиналось самое интересное – ужесточение проверки паспортов выражалось в сокращении количества заветных окошек со штампиками и человечками в погонах. Перед ними в относительно небольшом помещении толпилось постоянно человек триста, два смертника – триста трупов, а сам контроль всё тот же, что и раньше. При этом единственная проверка на безопасность осуществлялась уже после, до этого места любой мог дойти хоть с ядерным зарядом! Преступнику со взрывчаткой в чемодане было легко пристроиться к толпе людей, которая постоянно сопровождала наше ожидание.

Не успели ИГИЛовцы тогда сделать ещё одно чёрное дело. После первого шока европейский чиновник очухался, электронный «чек-ин» восстановил, очереди на паспортный контроль тоже сильно уменьшились, но, как и прежде, в здание аэропорта заходим свободно, вещи никто не просвечивает!

Правда, такой дурдом, как в аэропорту Парижа, явление малотипичное для Франции, бюрократия там гораздо гуманнее к людям, нежели у нас. Конечно, отсутствует прописка. Как и во всех европейских странах для подтверждения местожительства достаточно предъявить любой инстанции счёт за воду или электричество, либо за другую коммунальную услугу с указанием адреса и своей фамилии. Только иногда даже прописка оказывается очень полезной в определённых ситуациях. В 1996 году Жак Ширак пригласил приехавшего во Францию Клинтона поужинать в модном ресторане американской кухни. Казалось бы, ничего особенного. Да, но пока два президента вкушали яства, квартал был оцеплен полицией, и его несчастных обитателей не пускали к себе домой. Так как в отсутствии штампа о прописке нельзя доказать, что ты местный житель, ведь никто не догадался положить счета за коммуналку в бумажник или портфель в тот весёлый для двух политиков вечер. Вот и ждали беспечные парижане окончания ужина на улице.

Но, бывает, французский чиновник обнаруживает редкостное понимание простых человеческих проблем. В первой половине девяностых наши дотошные пограничники

ещё старой советской закваски стали придирааться к обладателям двух паспортов, выезжавших в Европу без всякой визы (ибо она им была не нужна при наличии документа одной из европейских стран). И, конечно, обладание вторым гражданством не интересовало ревностных стражей границы: «Не порядок, где же виза?» Хотя какое твоё собачье дело, ты же должен проверять только наш документ? Теперь ведь красивая многоцветная консульская наклейка совершенно не интересуется симпатичных дамочек, во внешнем облике которых крашенные ногти вполне гармонируют с погонами прапорщика. А мне вот так заявил однажды прослуживший добрый десяток лет на китайской границе прапор: «Я нарушителей всегда ловил! Мне до лампочки, какой у вас паспорт, должна быть виза! Но раз сегодня первое января, я, так и быть, пропущу Вас!» У меня едва не вырвалось: «Спасибо, благодетель!»

Вот тогда консульство в Петербурге без разговоров и проволочек стало шлёпать нам, имевшим французское гражданство, французские же визы в российские паспорта. Со всемогущим штампиком всё стало правильно и красиво. Хоть подтянули с тех пор наших чиновников, но представить себе что-то подобное в нашем парижском консульстве не могу. Однако и французы уже давно этого себе не позволяют. Виза нынче не простая печать, а красивая наклейка, наверняка, ещё предмет отчётности.



Военный патруль на улицах Парижа (терактов в «Батаклане» и в брюссельском аэропорту ещё не было, патрули уже ходили, но оказывали только моральное воздействие)

Нефранцузы и дороги

Живя во Франции, мне приходилось слышать рассуждения о том, что, мол, мы здесь идём к мультиконфессиональному и мультирасовому обществу, и в этом, якобы, ничего страшного нет, посмотрите на Америку, к примеру.

Есть страшное. Потому что это только самоуспокоение, попытка закрыть глаза и ничего не делать, не расчищать авгиевы конюшни политической и социальной жизни, а ждать, авось оно само как-нибудь образуется. Что-то образуется, бесспорно, только что, вот в чём вопрос! Даже в Америке до сих пор масса проблем на расовой почве, и не похоже, что они успешно разрешаются, скорее наоборот, а ведь там, в стране эмиграции, смешанная нация формировалась, как минимум, пару столетий, а не 50 лет.

Да чего там говорить, чтобы решать подобные вопросы нужно хотя бы знать её масштабы, а во Франции никто не считал, например, сколько в стране живёт негров. Статистика по расовому признаку запрещена. Известно только количество родившихся за пределами страны и их прямых потомков. Всё это для того, чтобы не поощрять расизм. Сколько арабов, турок, пакистанцев тоже никто не знает, существуют только оценки. Французов, возможно, ввела в заблуждение их собственная история. Даже в 80-ые годы XX века считалось, что в крови каждого третьего гражданина Пятой Республики (а понятия гражданство и национальность во Франции тождественны) течёт кровь иммигрантов. На тот момент это была, по большей части, кровь переселенцев из Испании, Италии, массово оседавших в относительно зажиточной соседней стране с середины 19-го века. Потом к ним прибавились выходцы из Польши, Португалии, беженцы из Советской России, волна перемещённых лиц после Второй Миро-

вой войны. Все эти люди довольно быстро адаптировались в новых условиях, а их дети были уже обычными французами, и, как это часто бывает с эмигрантами, старались изо всех сил пробить себе дорогу в жизни, получить образование и хорошую работу. Один из премьер-министров времён президентства Миттерана был, кстати, сыном белогвардейского офицера. Пьер Береговуа во французском прочтении, или Береговой в русском. До поры до времени ассимиляция проходила легко.

Такое прошлое, видимо, убаюкивало сознание – ну как-нибудь переварим и этих, новых пришельцев. Португальцы, между прочим, массово приезжали во Францию ещё в 70-ые годы 20-го века, а слово «кончита» (по распространённому раньше испанскому женскому имени) как синоним слова няня, мне приходилось слышать и в двадцать первом веке. Только уже в 90-ые годы нянями в Париже были в основном арабские женщины, кончиты же на такую работу из солнечной Испании ехать не хотели. Приезжали другие, и общество их «переваривало» с огромным трудом. В качестве иллюстрации: в 1996-м чуть ли не главным хитом на одном из пяти существовавших в то время для массового потребителя музыкальном канале М6 была песня какого-то франко-арабского исполнителя о Родине его родителей. Клип демонстрировал красивый средиземноморский городок – голубое небо, синее море, белые домики, разбросанные по склонам холмов. Открыточные виды Туниса или Марокко. Картинка со-

провождалась текстом: mon père est né là-bas, ma mère est née là-bas – в переводе – мой отец родился там, моя мать родилась там. Затем следовали кадры из не самых, мягко говоря, живописных арабских районов одного, скорее всего, парижского пригорода с совершенно противоположным текстом: et moi, je suis né ici dans la misère et laiderie (а я родился здесь, среди нищеты и убожества). Автор песни к тому же слишком вольно обошёлся с французским языком.

Это ведь не ностальгия, нет, её у него, судя по тексту, быть не может, это полное неприятие доставшейся ему реальности. Мы все знаем, во что это выливается сейчас, а тогда французам казалось, как оригинально!

Но если Париж иногда удручал этническим составом уличной толпы, то в городах поменьше я в те годы не замечал наличия большой концентрации понаехавших из Африки. Шартр, Руан, Бьярриц, которые я посетил благодаря своей супруге в первый приезд, в 1988 году, не отличались от столицы той глубокой провинциальностью, что до сих пор заметна в российской глубинке. Нет, там просто было тише, спокойней, но так же чисто, красиво и современно.



У каждого своя Франция. Я её чаще представляю такой
В те времена у нас, к примеру, публика в столицах и в провинции заметно различалась даже по одежде. Это было особенно видно по девочкам-студенткам, приезжавшим учиться из других городов. С наступлением холодов они натягивали на себя привезённые из дома и купленные для них мамами ещё, наверное, классе в восьмом типичные советские пальтишки с воротником из искусственного меха. По такому пальто безошибочно определяли первокурсницу, но уже ко второму году обучения девицы наши передевались в более

современные и неизвестно какими путями найденные в убогих заведениях Минторга пуховики, дублёнки и прочую зимнюю амуницию.

Во Франции было совсем не так: провинциальная толпа весьма походила на столичную, магазины всё те же, с теми же товарами. Естественно, в столице для шопинга было больше простора, но и торговля по каталогам уже работала во в полный рост, а купленную таким образом вещь можно было вернуть, коли не подошла. Огромные, как энциклопедии, каталоги “La redoute” частенько встречались мне на журнальных столиках французских квартир. Провинциальный француз был тесно связан со столичной жизнью, если, конечно, хотел того. К этому, собственно, располагало всё: рыночная, а не распределительная экономика, размеры страны, прекрасная дорожная сеть и наличие почти у всех автомобилей, скорость железнодорожного сообщения, всеобщая телефонизация и относительная дешевизна междугородной связи. Вспомним, что у нас на периферии бывало так, что телефон имелся в одной квартире из пяти, а то и из десяти.

Перечислять все факторы, сближающие города и веси – дело специалистов. Здесь я хочу немного дополнить свои впечатления рассказом о минителе – компьютерной приставке к телефону. По нему житель отдалённой деревни мог получить доступ ко всем телефонным книгам страны, навести всевозможные справки, совершить некоторые транзакции и даже проконсультироваться у ясновидящей “Madame

Soleil” (Мадам Солнце). Минитель купили и другие европейские страны, в том числе Германия, интересовались им в США, а в начале интернетной эпохи даже Yahoo использовал некоторые сервисы минителя.

Вся Франция пронизана сетью скоростных автомагистралей с прекрасным состоянием дорожного покрытия, правда, в отличие от Германии, Бельгии или Испании, платных. Но они позволяют часов за 6-7 спокойно, без нервотрёпки, доехать из Марселя до Парижа, а это почти 800 километров. Хотя и со строительством скоростных автодорог тоже бывают проблемы и не всегда финансового характера. Автострады завязаны в основном на Париж, как у нас на Москву, поэтому строительство поперечных дорог (хорд, как сейчас говорят), безусловно, очень важно. В районе, где я жил, строили такую хорду и строили очень успешно, потом процесс остановился на несколько лет. Оказалось, новая дорога угрожает популяции какого-то редкого вида жуков! Аргумент, что на старой извилистой двухрядке продолжали биться люди, кто-то даже насмерть, подействовал не сразу. В итоге, новую дорогу провели, но экологические соображения продолжают порой побеждать здравый смысл. В городишке, где я жил пять лет, поставили ветроэлектростанцию, и теперь при подъезде к нему самая высокая доминанта – старинная церковь на горе зажата двумя ещё более высокими ветряками. Нет, они возведены, на самом деле, значительно дальше, но зрительный эффект именно такой. Водитель и пассажиры любят-

ся этим техногенным вариантом ожившей фантастики в духе Герберта Уэллса. Зато теперь уж точно не заблудишься, запоминающаяся картинка!

Хотя заблудиться на машине во Франции трудно было даже до появления навигаторов. На каждой площади, на каждом перекрёстке с круговым движением увидишь не меньше 3-4 указателей, надо только знать свой ориентир – тогда обязательно доедешь, успевай лишь головой крутить.

Водят, кстати, во Франции довольно аккуратно, двойных обгонов, которым порой ужасаешься у нас, там не увидишь. Однажды в пятницу вечером ехал с французами по трассе Санкт-Петербург – Псков. Многие, наверное, хорошо представляют себе, что в сезон в такой день недели творится на дачных направлениях. Французы не представляли, они просто мужественно решили не смотреть в окна (хотя было это в 1997-м, с тех пор некоторые улучшения есть, но только некоторые).

Пешеходам даже горячие корсиканцы уступают дорогу, как только начинаешь поворачиваться на узком тротуаре лицом к проезжей части. Такое отношение вырабатывают ещё в автошколе. Помнится, я спросил своего инструктора, мол, что делать, если пешеход не прав, имея в виду можно ли посигналить сначала. Опытный водитель повернулся ко мне лицом и удивлённо спросил: «Но Вы же не будете давить его!?» Когда я вернулся в Россию в начале нулевых годов, зачастую казалось – значительной части наших водителей для

взаимодействия с пешеходами не хватает именно такого воспитания. В цепочке тормоз – звуковой сигнал бывало, что многие ставили на первое место сигнал.

С автомобильными дорогами за французского потребителя успешно конкурировали и конкурируют по сю пору рельсы. И хотя лишь небольшая часть полотна модернизирована под широко разрекламированные высокоскоростные TGV, несущиеся со скоростью 200-250 и даже 300 км в час, но и по всем остальным путям поезда дальнего сообщения имеют темп движения 100 км в час (и это с учётом остановок).

Так и мы тем летом 1988 года в одиннадцатом часу вечера сели в парижский поезд и утром в пятнадцать минут седьмого, покрыв 750 километров, увидели из окна перрон столичного вокзала.

Дорогой читатель, не сравнивай, пожалуйста, линию Москва-Петербург, где ночной экспресс с лёгкостью за 7-7,5 часов преодолевает 660 километров, а сопоставь эти цифры с быстротой передвижения по остальной сети железных дорог России. Средняя скорость движения пассажирского состава у нас едва ли составляет километров 60 в час. Поезд Самара-Санкт-Петербург покрывает около двух тысяч километров за 39 с лишним часов. А из Урюпинска в Уренгой сколько дней ехать по рельсам?

И в тот летний день, за пару минут до прибытия, прошёл быстрым шагом кондуктор (один на несколько вагонов), повторяя как заклинание, дабы разбудить сонную публику:

“Paris, quinze minutes!” – Париж, пятнадцать минут (в смысле шесть пятнадцать). Моему удивлению не было предела. Я, часто мотаясь в Ленинград и из Ленинграда на ночных поездах, привык к такой «нежной» заботе наших проводников о пассажирах как общий подъём за час-полтора до прибытия на конечную станцию, вне зависимости от времени оно-го. Как же, надо чтоб до начала санитарной зоны народ успел совершить все свои дела в заведениях, находящихся в торцах вагона. У французов же педальный горшок отсутствовал напрочь, за заветными дверцами находились биотуалеты, ну и потом, строем французы ходить не любят. Кто что успел – это личное дело каждого, на вокзале места для медитирования тоже имеются. Вот и мы, едва протерев глаза, унесли всё своё с собой, в квартиру родителей жены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.